

Анна А. Зализняк

Феномен многозначности и способы его описания*

Вводные замечания

Одной из составляющих произошедшей в лингвистике за последние 20 лет смены парадигмы является перенос центра тяжести семантической теории с синонимии, бывшей в 60-е – 70-е гг. базовой категорией семантики, на полисемию. Заметим, что здесь важно изменение именно методологической установки, общего взгляда на феномен языкового значения – вспомним популярное в свое время понимание смысла как инварианта синонимических преобразований, опирающееся, в частности, на идеи Якобсона¹. Дело в том, что граница между синонимией и полисемией – это, в значительной степени, вопрос концептуализации; так, к числу «синонимических средств языка» (ср. подзаголовки книги [Апресян 1974]) относятся, например, различные преобразования, связанные с меной диатезы, – а именно такого рода преобразования как варианты реализации потенциалов одного слова являются важнейшим полем разработки современной теории полисемии. Да и сама «Лексическая семантика» до сих пор является одним из основополагающих исследований в области многозначности, в том числе, регулярной многозначности, которая, очевидно, находится в центре интересов сегодняшней семантики.

В лингвистике имеется несколько базовых оппозиций, касающихся принципиального устройства языка в целом, на фоне которых формируется отношение к многозначности. Это, прежде всего:

1. Дискретность vs. градуальность. Это противопоставление является наиболее глобальным; оно существенно для всех уровней и аспектов функционирования языка. В области структуры многозначности это касается статуса отдельного значения слова: образуют ли разные значения слова множество дискретных единиц или непрерывный континуум, в котором одно значение «плавно переходит» в другое?

2. Гумбольдтовское противопоставление «ergon» vs. «energeia»: в частности, строит ли человек в процессе говорения грамматические формы, словосочетания и предложения по неким формулам или образцам – или запоминает их в готовом виде? До относительно недавних пор сторона «energeia» была общепринятой, однако в последнее время теории в духе Б. М. Гаспарова [Гаспаров 1996] пошатнули этот постулат, причем как среди сторонников, так и среди противников этих теорий.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 03-06-08133а.

¹ См. [Jakobson 1955; Падучева 1974: 10-33; Мельчук 1999: 10] и др.

3. Является ли язык системой «чистых значимостей», где значение каждого знака определяется его местом в системе оппозиций, или любое слово в каждом своем употреблении выражает тот единственный смысл, который вкладывает в него говорящий и который составляет результирующую бесконечного числа факторов (в частности, опирается на неповторимый индивидуальный опыт говорящего). В связи с этим: способен ли слушающий воспринять тот смысл, который хочет ему передать говорящий? Возможна ли вообще идентификация смыслов?²

Однако, как кажется, для каждого из этих вопросов единого ответа, общего для всех языковых единиц во всей полноте их функций, искать не следует. В языке, очевидно, есть дискретное и градуальное, воспроизводимое и порождаемое, объективно-системное и субъективно-уникальное. Нельзя забывать также и о различиях в способе усвоения и пользования языком различными говорящими в зависимости от их ментального склада (в частности, тех, которые в лингвистике принято связывать, в свете работ Вяч. Вс. Иванова об асимметрии полушарий мозга [Иванов 1995], с относительной доминантностью того или другого полушария; ср. также более широкое понятие *когнитивного стиля обучения* в исследованиях по детской речи и овладению языком). Действительно, наряду с подсознательным отождествлением структуры родного языка со структурой языка вообще (о чем много писали), весьма распространенной методологической аберрацией среди лингвистов является отождествления своего способа владения языком с единственно возможным. В частности, спор о том, усваивает ли человек в процессе овладения языком правила или готовые блоки, равно как и оппозиция выросших из того и другого постулата теорий, покоятся, как кажется, на неверной предпосылке о единственности способа усвоения и пользования языком для всех говорящих.

В работах [Плунгян, Рахилина 1996, 2000; Плунгян 2001] развивается подход к описанию сильномногозначных единиц (предлогов и приставок), объединяющий преимущества атомистического словарного и холистического когнитивного подходов. Авторы исходят из того, что центральной проблемой при описании полисемии является нахождение границы, отделяющей область воспроизводимого от области порождаемого, – того, что «запоминается» и того, что «конструируется» [Плунгян, Рахилина 1996: 5-6]. Если следовать мысли авторов, то описание полисемии должно включать две части: тому, что находится по одну сторону указанной границы, будет соответствовать нечто вроде перечня готовых толкований (которые, по предположению, говорящий «помнит», если он владеет значением данного полисемичного слова – или должен запомнить, если он хочет им овладеть); тому же, что находится по другую сторону – нечто вроде перечня «инструкций», т.е. операций по преобразованию смыслов, которыми, по предположению, говорящий на данном языке умеет – или,

---

² Идея принципиальной нетождественности смысла самому себе является аксиомой для определенного направления семиотической мысли, ср., например [Курицын 2001: 82].

соответственно, хочет научиться – пользоваться. Такая постановка вопроса представляется совершенно правильной. Следует, однако, иметь в виду, что среди прочих трудностей, стоящих на пути разграничения «воспроизводимого» и «порождаемого», имеется еще и та, что обсуждаемая граница, по-видимому, будет проходить по-разному не только для слов разных семантических и грамматических классов, но, скорее всего, и для разных говорящих.

В целом сегодня, по-видимому, не вызывает сомнения, что многозначность является сущностным свойством языка, обеспечивающим выполнение его основных функций – когнитивной, коммуникативной и поэтической.

Многозначность, полисемия и виды неоднозначности

В русской традиции существует три близких термина – *многозначность*, *неоднозначность*, *полисемия*. Термин *многозначность* – самый широкий: он указывает просто на существование у некоторой единицы более одного значения. Термин *полисемия* иногда рассматривается как синоним термина *многозначность* – ср. систему отсылок в [ЛЭС 1990], а также словоупотребление в [Апресян 1974, 1995 а, б]. В предметном указателе С. А. Крылова ко 2-му изданию «Лексической семантики» Ю. Д. Апресяна термин *полисемия* указан как маргинальный член синонимического ряда, ядерным членом которого является *многозначность* (ср. противоположное направление отсылки в словаре [Баранов, Добровольский 1993]). Однако здесь необходимо сделать следующие уточнения. Во-первых, под *полисемией* обычно понимают лишь лексическую многозначность, в то время как термин *многозначность* не содержит этого ограничения. Во-вторых, под *полисемией* понимается чисто парадигматическое отношение: факт наличия у слова более одного значения; между тем, *многозначность* может быть также и синтагматической: многозначностью может быть названа, в том числе, возможность одновременной реализации, у той или иной языковой единицы, двух (или более) значений. Названные различия проявляются также в функционировании соответствующих прилагательных: *полисемичным* может быть только слово как единица словаря, а *многозначным* может быть выражение и целое высказывание; многозначность, таким образом, сближается с *неоднозначностью* (тем самым, термин *многозначность* охватывает как сферу полисемии, так и сферу неоднозначности)³.

Под *неоднозначностью* языкового выражения или речевого произведения (текста) понимают наличие у него одновременно нескольких различных смыслов. В зависимости от того, какого рода эти смыслы, различают лексическую неоднозначность (ср. *проехать остановку*: ‘преодолеть расстояние’ и ‘миновать

³ Интересно, что в немецком языке имеется лишь два слова *Mehrdeutigkeit* и *Polysemie*, при этом первое соответствует как русскому *многозначность*, так и *неоднозначность*; в английском языке значение трех русских терминов иначе распределяется между двумя словами *ambiguity* и *polysemy*: слово *ambiguity* соответствует русскому *неоднозначность*, а *polysemy* – русским *полисемия* и *многозначность*.

точку»; *переизбрать Петрова*: ‘избрать Петрова на другой срок’ и ‘избрать другого человека на пост Петрова’) и синтаксическую неоднозначность, ср. известные примеры *amor patris, ee портрет, мать любит дочь; flying planes can be dangerous* (‘летающие самолеты могут быть опасны’ и ‘летать на самолетах может быть опасно’); *мужу изменять нельзя* и т.п. Ю. Д. Апресян различает языковую неоднозначность (лексическую и синтаксическую) и речевую, возникающую в высказывании из-за неопределенности тех или иных параметров ситуации [Апресян 1974: 176-178]. Последний тип неоднозначности иллюстрируется такими примерами, как *Джон прострелил себе руку* или *Гусар зазвенел шпорами* (которые могут обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие), а также возможностью осмысления вопросительного предложения как «экзаменационного вопроса». Как кажется, однако, разграничение здесь должно быть проведено несколько иначе. С точки зрения характера неоднозначности возможность непрямого использования вопросов типа *В каком году родился Пушкин?* находится в том же ряду, что и другие сдвиги иллокутивной функции вопроса (*Не могли бы вы передать мне соль?, Не знаете ли вы, который час?, Сколько мне еще ждать?, Куда же ты уходишь?* и т.п.). Во всех этих случаях одно и то же предложение может использоваться в разной иллокутивной функции – и, соответственно, иметь разный смысл. Возможность выражать два разных смысла обеспечивается здесь, как при синтаксической или лексической неоднозначности, устройством языка; два различных смысла не могут «иметься в виду» одновременно, и нормально слушающий способен произвести выбор нужного понимания (в работе [Перцова 1988] такая неоднозначность названа дизъюнктивной). Если же все-таки он ошибается, т.е. неправильно разрешает неоднозначность (например, на вопрос *Не знаете ли вы, который час?* отвечает *Знаю*), имеет место коммуникативная неудача – так же, как и в том случае, когда человек принимает экзаменационный вопрос за обычный (ср. анекдот, в котором на вопрос учителя *В каком году родился Пушкин?* ученик отвечает *Мне бы ваши заботы, господин учитель!*).

Что же касается фраз типа *Гусар зазвенел шпорами*, то здесь, по-видимому, представлен иной тип неоднозначности. В отличие от всех предыдущих примеров, где варианты прочтения взаимно исключают друг друга, в данном случае оба обсуждаемых понимания – намеренное и ненамеренное – вполне совместимы: в том смысле, что для понимания таких фраз слушающий, вообще говоря, не обязан производить выбор. Просто некоторые аспекты ситуации могут остаться нам неизвестны (а именно, совершил человек данное действие намеренно или нет – так же как по какой причине, с какой целью, каким способом и т.д. он его совершил). Иными словами, здесь имеет место не собственно неоднозначность, а скорее неопределенность некоторого параметра и, вследствие этого, неполнота представления о ситуации (ср. противопоставление понятий *ambiguity* и *vagueness* в англоязычной традиции). Аналогичным образом неполнота информации (недостаточность контекста) может не позволить сделать выбор между результативным и нерезультативным общефактическим значением

несов. вида во фразах типа *Кто строил этот дом?* (строительство может быть доведено или не доведено до конца), ср. [Падучева 1996: 33]; между перфектным (т.е. с сохранением результата до момента речи) и аористическим пониманием формы прош. времени сов. вида (ср. *Я потерял паспорт: возможно, впоследствии нашел*).

Тем самым, если языковая неоднозначность – это способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, т.е. это свойство языковых единиц, то речевая неоднозначность – это реализация данного свойства в конкретном высказывании. Речевая неоднозначность может быть ненамеренной (и тогда она либо будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, либо произойдет коммуникативная неудача), но она может быть и намеренной, т.е. использоваться как прием (см. ниже).

Неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений художественного текста признается некоторыми исследователями его ингерентным свойством: именно одновременное присутствие двух различных пониманий (слова, выражения или текста в целом) создает новый смысл, см. [Есо 1962; Empson 1963; Якобсон 1975]. Тем самым смысл поэтического текста не равен не только буквальному, но и *передаваемому* (по Грайсу) смыслу: то, что «хотел сказать» автор поэтического текста, – если такую постановку вопроса вообще считать правомерной – это именно результирующая взаимодействия всех смыслов, явных и неявных. Из множества примеров, которые здесь могут быть процитированы, приведем лишь один: *Париж? – И я с тобой парю* (обращение к даме, находящейся в Париже; из устной речи). Соединение идей *Парижа* и *парения*, которые сливаются фонетически в форме 2-го лица от глагола *парить*, на семантическом уровне дает новое воплощение русского парижского мифа; все три идеи являются составляющими смысла данного текста. Ср. также, например, анализ семантики ненормативных словосочетаний в языке А. Платонова в работах [Левин 1998а; Бобрик 1995; Михеев 1998], анализ метафорических выражений у О. Мандельштама в [Успенский 1994].

Неоднозначность поэтического текста может иметь различную природу – она может порождаться как неоднозначностью отдельных слов и форм, так и многозначностью текста в целом: это иносказания, аллюзии, разного рода интертекстуальные элементы, наличие одновременно двух разных планов описания (двух разных сюжетов или ситуаций, с которыми соотносится один и тот же текст)⁴ и др. Неоднозначность последнего типа является, в частности, конституирующим свойством текстов таких жанров, как пословица, поговорка и загадка, ср.

---

⁴ Не имея возможности останавливаться на этом подробнее, приведем лишь следующие примеры. Иносказание: «Ныне Узкое поглощено Москвой. Но по-прежнему в окрестностях его самый лучший воздух, поскольку *господствующие ветры здесь веют с запада в сторону столицы*, а не из нее» (Г.Аксенов. Вернадский. М., 2001: 390). Речь здесь идет, очевидно, не только об экологии. Примером параллелизма планов повествования может служить стихотворение О. Мандельштама «Я вернулся в мой город, знакомый до слез», где описывается одновременно возвращение в город и возвращение в детство, см. [Успенский 1994: 248].

Тише едешь – дальше будешь; На воре шапка горит; Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех? (загадка Сфинкса) и т.д. Одним из важнейших источников поэтической неоднозначности является метафора, основанная на одновременном присутствии двух денотативно различных, но концептуально тождественных планов изображения. Неоднозначность поэтического текста может порождаться также неочевидностью буквального смысла – как в случае с первой строфой «Евгения Онегина», см. [Михайлова 2000; Перцов 2000а].

Важным источником поэтической неоднозначности является оживление внутренней формы (в результате чего слово приобретает дополнительный смысл, в той или иной степени отличный от его буквального смысла, что создает своеобразный стереоскопический эффект). При этом происходит восстановление исходного, обычно пространственного, образа или физического явления, послужившего основой для построения абстрактного концепта, например⁵:

(1) И вот еще почему всякая большая любовь с точки зрения устроенного быта *пре-ступна* (Пришвин. Дневники).

Возможна и более сложная игра, ср.:

(2)...а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-темный прислон стула, ставимого так ввиду *поползновения* дверей медленно, *с содроганиями*, разьежаться (В. Набоков. Тяжелый дым).

Оба выделенных выражения по своей внутренней форме восходят к физическим явлениям, но в стандартном русском языке имеют лишь переносное значение, относящееся к сфере внутренних состояний человека. Здесь же эти выражения использованы в окказиональном переносном значении, возвращающем их в сферу физических объектов; при этом стандартное значение, относящее к миру внутренних состояний человека, здесь также присутствует.

«Поэтическая» неоднозначность может порождаться неочевидностью оценки или авторской позиции; наличием разных «уровней осмысления» художественного произведения – бытового, социально-исторического, индивидуально-психологического, философского и т.д. (ср., например, разбор рассказа Бунина «Легкое дыхание» в [Выготский 1968]), а также жанровой неопределенностью (ср. [Gugel 1967] о жанре LI стихотворения Катулла), неопределенностью референции личных местоимений (в частности, в лирической поэзии) и многими другими факторами. Однако даже краткий обзор этой интереснейшей темы, к сожалению, выходит за рамки данной работы. К компетенции лингвистики поэтическая неоднозначность относится лишь в той мере, в какой она основана на языковой неоднозначности – см., в частности, работы [Якобсон 1975; Лотман 1970; Падучева 1982; 1996: II; Николаева 1997 а, б; Успенский 1994; Левин 1998 а, б; Зализняк 1998, Перцов 2000б].

Главное отличие «бытовой» неоднозначности от поэтической состоит в том, что при практической речевой коммуникации из двух возможных пониманий некоторого выражения одно является правильным, а другое – неправильным

⁵ В примерах здесь и далее курсив мой – А.З.

относительно намерений говорящего, и более широкий контекст (речевой или ситуативный) должен позволить слушающему выбрать правильное понимание – в противном случае происходит провал коммуникации. «Избегай неоднозначности» – один из коммуникативных постулатов Г. П. Грайса [Грайс 1985: 223]. Таким образом, с точки зрения коммуникативной функции языка актуальная неоднозначность высказывания является «браком» в речепроизводстве, помехой, которая ведет к неудаче речевого акта и должна быть по возможности устранена. Неоднозначность такого рода может возникать за счет неправильного установления слушающим референтов употребленных говорящим именных групп, отсутствия у слушающего необходимых презумпций, знаний о мире, при несоответствии *инференций* слушающего (того, что он «извлекает», *infers*) – *импликатурам* говорящего (т.е. той информации, которую говорящий «закладывает», *implies*), ср. [Bybee et al. 1994: 285], [Падучева 2004]). Однако в этом смысле нельзя разделить высказывания на однозначные и неоднозначные: у некооперативного (невнимательного, не включенного в происходящее) слушателя любое высказывание может приобрести «паразитическое» понимание. Действительно, количество логически мыслимых (но в контексте реального речевого акта по тем или иным причинам неуместных, и тем самым нормально сразу отвергаемых) пониманий у практически любого высказывания просто поражает воображение. Причем часто именно буквальный смысл оказывается наиболее абсурдным (и «нормальными» говорящими автоматически отвергается). Это свойство языковой коммуникации обыгрывается в текстах Л. Кэрролла (ср. [Падучева 1982]), а также в легенде о пражском големе – человеке, который был создан пражским раввином из глины; говорить он вообще не умел, а его способность понимать ограничивалась буквальным смыслом. Поэтому, когда жена раввина велела ему *натаскать в дом воды*, он стал носить из колодца воду и выливать ее на пол, а с торговкой яблоками вышел следующий эпизод:

(3) – Ишь чего выдумал! – возмутилась торговка. – *Хочет, чтобы за его гроши я ему отдала весь ларек!*

Немного поразмыслив, Голем решил, что женщина права. *Это именно то, чего он хочет*. Он поднял ларек вместе со всеми яблоками и торговкой в придачу на плечо и двинулся домой⁶.

Разрешение потенциальной неоднозначности на всех уровнях (прежде всего, морфологическом и синтаксическом) является одной из главных проблем автоматического анализа текста, которая до сих пор сохраняет свою актуальность (см. [Иорданская 1967], [Демьянков 1985], [Секерина 1996] и в особенности [Богуславский и др. 2003]). Как оказывается, «то, что с легкостью делает человек в процессе понимания текста, опираясь при выборе интерпретации неоднозначных элементов на здравый смысл, знания о мире и широкий контекст коммуникации, пока недоступно никаким компьютерным системам» [Богуславский и др. 2003: 40]. На уровне лексического значения термин *неоднозначность* в этой области иногда используется как синоним термина

⁶ Кувшин с медом. Еврейские легенды и сказки. М., 1991, с. 75.

омонимия: когда неоднозначность предстает как помеха при решении задач анализа, различие между полисемией и омонимией оказывается несущественно.

Неоднозначность и языковая игра

Эксплуатация языковой неоднозначности – излюбленный прием рекламы. Этот прием представляет собой языковую игру, а достигаемый с ее помощью эффект основан на удовольствии, получаемом от успешной игры (ср. [Пирогова 2000]): «успехом» адресата рекламы как партнера в этой игре является обнаружение им обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте. Обратим внимание на то, что удовольствие это – чисто семиотической природы. Действительно, «второй смысл» часто бывает в той или иной степени «неприличным»⁷, но в общем случае это совершенно необязательно, ср.:

- (4) а. Какая связь между Москвой и Подмосковьем? – Московская сотовая;
 б. С нашей обувью вы не расстанетесь никогда [надпись под изображением мужчины и женщины, связанных друг с другом шнурками их ботинок];
 в. Где возникает атмосфера близости и душевного тепла? Конечно, на диване [изображен небольшой диван, на котором два человека сидят близко друг к другу];
 г. Не оставляйте вещи без внимания. Новый большой каталог ИКЕА, и т.п.

Тем самым функционально реклама ближе к поэтическому тексту, чем к текстам практической коммуникации, где неоднозначность оценивается однозначно отрицательно и по возможности избегается. На языковой неоднозначности построен также эффект определенного класса анекдотов, ср.:

- (5) а. Письмо из Центра не дошло до Штирлица. Он прочитал еще раз: опять *не дошло*.
 б. Встречаются Брежнев и Андропов на том свете, Брежнев спрашивает: «Ну и кто же там в Кремле сейчас главный?» – «А Миша Горбачев.» – «Ну и кто его поддерживает?» – «А никто не *поддерживает*, он сам ходит».
 в. – Дяденька Хрущев, это вы *запустили* ракету?
 – Я, мальчик.
 – А сельское хозяйство?
 – Кто тебя научил такое говорить?
 – Папа.
 – Так вот кажи папе, что я умею *сажать* не только кукурузу.

Эффект анекдота может быть также построен на употреблении одних и тех же слов попеременно то в прямом, то в переносном значении, ср.:

- (6) Ну что это за *цирк*? Это *бордель* какой-то, а не *цирк*. Вот у моего дяди в Жмеринке был *бордель*, так это был *цирк*!, и т.д.

Возможность возникновения неоднозначности (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством многозначности данной языковой единицы (ср. [Апресян 1974: 180-187]). Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект каламбура, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти

⁷ Это обстоятельство отражено в значении слова *двусмысленный*, ср. *двусмысленная шутка*, т.е. ‘имеющая неприличный смысл’; *говорить двусмысленности* и т.п.

два понимания соответствуют двум разным значениям интересующего нас слова. Так, из содержащей каламбур фразы *Шел дождь и два студента, один был в шляпе, другой – в хорошем настроении* следует существование в русском языке по крайней мере двух значений у глагола *идти* и у конструкции *быть в*. Возможность столкновения некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте (см. об этом ниже).

Каламбур, конечно, не является ни необходимым, ни достаточным условием многозначности: достаточным – потому что каламбур не различает полисемии и омонимии (ср. *Хорошую вещь браком не назовут*), необходимым – просто потому, что далеко не всегда значения многозначного слова могут быть соединены в каламбуре. Однако с точки зрения задачи различения близких смыслов каламбур безусловно может рассматриваться как доказательство наличия оппозиции, и тем самым двух разных значений.

Помимо каламбура, имеется еще несколько типов некаламбурного совмещения значений, которые необходимо различать.

Типы некаламбурного совмещения значений

Остановимся сначала на самом понятии совмещения значений⁸. К сожалению, этот термин не имеет единого общепринятого понимания, и это порождает досадные недоразумения – ср., например, полемику в [Санников 1999: 181-183] в отношении работы [Перцов 1996]. Действительно, нельзя не согласиться с мнением В. З. Санникова, что «каламбурное обыгрывание слов (в том числе и обыгрывание многозначности слов) не имеет отношения к вопросу о единстве слова, наличии инварианта и т.д.» [Санников 1999: 183]. Но это совершенно справедливое утверждение нисколько не опровергает мнения Н. В. Перцова о том, что возможность совмещения значений является доказательством проницаемости границ между отдельными значениями слова, аргументом в пользу существования инварианта [Перцов 1996: 27-30]. И дело здесь не только в том, что помимо многозначности, каламбур может быть построен на омонимии или паронимии (аргумент В. З. Санникова), а еще и в том, что каламбурное и некаламбурное совмещение значений – это два разных явления. Если каламбур сталкивает и противопоставляет – безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи (омофоны, омографы, случайно совпавшие формы, само слово и словосочетание, возникшее в результате его паразитического переразложения, ср. шутки типа «Когда цветочник бывает предателем? – Когда он продает *на Турции*», игру «Почему не говорят...?» т.п.), – то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их объединяет.

⁸ Наиболее подробно разные типы совмещения значений проанализированы в работе [Перцова 1988]. См. также [Перцов 2000б, 2001: 31-32].

Нас будет интересовать далее лишь некаламбурное совмещение значений. Здесь возможны, как минимум, следующие типы.

1. «Склеивание». Объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: «неоднозначность» в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения. Случаи «склеивания» одинаковых означающих, имеющих различные означаемые, обычно не замечаются ни говорящим, ни слушающим, но при их обнаружении «расклеивание» не представляет ни малейшего труда и проходит совершенно безболезненно для смысла предложения в целом. Этот случай может быть проиллюстрирован уже обсуждавшимися в лингвистической литературе примерами:

(7) Пустое *сердце* бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет (Лермонтов)⁹;

(8) Через край полная *аудитория* была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. Герцен).

В слове *сердце* «склеиваются» значения 'центральный орган кровообращения' (*сердце бьется*) и 'этот орган как символ средоточия чувств' (*пустое сердце*); в (8) слово *аудитория* употреблено одновременно как обозначение помещения и множества находящихся в ней людей. В работе [Перцова 1988: 65] пример (7) справедливо охарактеризован как случай конъюнктивной неоднозначности (т.е. предполагающей одновременное наличие двух прочтений), при этом ненамеренной со стороны говорящего.

В этой связи интересен следующий пример, разбираемый в работах [Перцов 2000б, 2001]:

(9) Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ящика до первого поэта,
Мы все *поем* уныло [...] (Пушкин. Домик в Коломне).

Н. В. Перцов усматривает здесь некаламбурное объединение значений на основе семантического инварианта, включающего смыслы 'эстетическое', 'приятное', 'ритмичность' и 'человеческий голос' [Перцов 2001: 36].

Анализ Н. В. Перцова вызывает некоторые возражения. Прежде всего, структура многозначности глагола *петь* претерпела со времени Пушкина существенные изменения, а именно, для нас значение 'исполнять голосом музыкальное произведение' является основным и практически единственным для этого глагола, значение 'читать/сочинять стихи' (*Там пел Мицкевич*

---

⁹ В [Урысон 1997: 113] данный пример иллюстрирует утверждение, что слово может выступать «в некоем промежуточном значении, которое объединяет в себе компоненты разных (словарных) толкований». Представляется, однако, что здесь имеет место именно совмещение (одновременное выражение) двух разных значений на уровне данного высказывания; никакого «промежуточного» значения у слова *сердце* при этом не возникает. Вообще термин «промежуточное значение», представляется не совсем удачным: для характеристики употреблений, обладающих одновременно признаками двух различных значений (что особенно характерно для семантики приставок, см. [Зализняк 1995]), более уместна была бы метафора объемлющего пространства.

вдохновенный) – абсолютно устаревшим, а значение ‘воспевать, восхвалять (в стихах)’ (*Он пел поблекший жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет*) – книжно-архаичным¹⁰. Соответственно, сегодня характер совмещения значений этого глагола оказывается иным, чем он был в языке Пушкина, что существенно затрудняет анализ. В Словаре языка Пушкина все три перечисленных выше значения – без различия между ними – помещены внутри первого (основного) значения этого глагола, которое дается без толкования [СЯП: III: 333]. В качестве отдельного значения предлагается ‘творить, слагать стихи (о поэте)’, но, судя по примерам, последовательного различия (по сравнению с первым значением) здесь не проводится.

Далее, хотя в данном примере эффекта каламбура, действительно, не возникает, нельзя согласиться с тем, что совмещение значений здесь «несмотря на предупреждение в первой строке, большинством читателей не замечается» [Перцов 2000а: 58]. В этих строках Пушкин безусловно обыгрывает возможность соединения очевидно различных смыслов, и не заметить этого может лишь очень невнимательный читатель. Совмещение значений здесь – это прием, целью которого (возможно, не единственной и даже не истинной) является создание иллюзии единства. Что же касается инварианта, то одно из двух совмещаемых здесь значений глагола *петь* – это ‘сочинять стихи’ или ‘читать/сочинять стихи’, т.е. смысловой компонент ‘человеческий голос’ здесь либо отсутствует, либо является факультативным, и тем самым он не может входить в инвариант (между тем исключение данного компонента из предполагаемого инварианта уж слишком явно противоречило бы основному значению глагола *петь*). Возможность некаламбурного совмещения значений, как кажется, опирается в данном случае скорее не на инвариант, а на устойчивое европейское культурное клише «поэт – певец», восходящее к реальному совмещению этих функций (в античности и в другие древние эпохи, ср. Баян). Это клише в «развернутой» форме присутствует, например, в известных пушкинских строчках

(10) Поэт по лире вдохновенной
 Рукой рассеянной бряцал.
 Он пел – а хладный и надменный
 Кругом народ непосвященный
 Ему бессмысленно внимал.

Эта эксплицитная двойственность навязывает прочтение глагола *петь* как содержащего совмещение значений (‘исполнять голосом музыкальное произведение’ и ‘читать стихи’).

2. «Сплав». Этот тип совмещения значений особенно характерен для поэзии. Речь идет о том, что два, вообще говоря, отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна

¹⁰ Последнее значение является наиболее древним. Согласно О. Н. Трубачеву, семантическая деривация ‘поить’ > ‘петь, воспевать’ восходит к языческому обряду жертвенного возлияния (см. [Фасмер 1996, III: 350]).

(в частности – совмещение прямого и переносного значения одного слова, как в примере (12)), и из этого соединения возникает новый, третий смысл. Приведем два таких примера:

(11) Еще Мандельштам пытался мне объяснить, что такое узнавание. [...] Он думал не только о процессе, т.е. о том, как протекает узнавание того, что мы уже видели и знали, но о вспышке, которая сопровождает узнавание до сих пор скрытого от нас, еще неизвестного, но возникающего в единственно нужную минуту, как судьба. Так узнается слово, необходимое в стихах, как бы предназначенное для них, так входит в жизнь человек, которого раньше не видел, но словно предчувствовал, что с ним переплетется судьба (Н. Мандельштам. Вторая книга).

Согласно словарям (напр. МАС), слово *узнавание* может означать интеллектуальное обретение либо *нового*, либо *старого* (отождествление с образом, имеющимся в памяти). Данное употребление, очевидно, не относится ни к одному из них: речь идет (приблизительно) об узнавании нового, которое субъективно ощущается как обретение уже имевшегося ранее¹¹. Ясно, однако, что никакой проблемы с пониманием того, что имеется в виду, не возникает; с другой стороны, очевидно, что никакой необходимости в пересмотре словарного толкования слова *узнавание* также нет. Другой пример:

(12) Все стало тяжелее и громаднее, потому и человек должен быть *тверже* всего на земле и *относиться* к ней, как алмаз к стеклу» (О.Мандельштам. О природе слова).

В (12) для обоих выделенных слов значение, которое они выражают в данном тексте, является результатом некоего синтеза разных словарных значений этих слов. Здесь имеет место именно синтез – а не «мерцание» (ср. ниже): свойство *твердости* человека, о котором идет речь, – предстает как «сплав» прямого и переносного значения данного слова. То же верно для употребленного в этом примере глагола *относиться*. Для сравнения приведем другой пример употребления этого глагола в аналогичной конструкции, где «сплава» не происходит:

(13) После испытаний графита, привезенного с завода, Игорь Семенович Панасюк сказал Курчатову: «Эти образцы *относятся* к нейтронам, как голодные волки к ягням»¹².

3. «Мерцание» («осцилляция»). Другой вариант «поэтического» совмещения значений – то, что в лингвистике принято называть «осциллирующими» значениями (см., в частности, [Апресян 1974: 179] со ссылкой на известную книгу Г. Стерна): имеются в виду употребления, когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект «мерцания»

¹¹ Ср. также: *Все было встарь, все повторится снова, /И дорог нам лишь узнавань миг* (О. Мандельштам. Я изучил науку расставанья) [*узнавание* того, что было (т.е. старого) – но не с нами (тем самым, нового)].

¹² Т.е. их *пожирают*. Пример из газетной статьи о создании в СССР атомного реактора (речь идет о поиске графита с минимальным сечением *захвата* нейтронов); цит. по [Вайль, Генис 2001: 107].

(т.е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение). Ср. пример такого употребления глагола *видеть*, разбираемый в [Апресян 1995в]:

(14) Вот мы и встали в крестах да в нашивках, / В снежном дыму./ Смотрим и видим, что вышла ошибка, – /И мы – ни к чему! (А. Галич. Ошибка)

Здесь глагол *видеть* имеет одновременно два разных значения (на что указывают разные элементы контекста) – зрительного восприятия и знания-понимания (видения «мысленным взором»).

4. Особым случаем поэтического некаламбурного совмещения значений можно считать явление, которое Т. М. Николаева называет «**принципом тернарной семантики**». Оно состоит в том, что «одна и та же лексическая единица (иногда – просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае – как бы и X и Y одновременно. То есть в одном случае [речь идет о тексте «Слова о полку Игореве» – А.З.] *галки* – это просто птицы галки, в другом – это обозначение половцев, в третьем – остается неясным, то ли это галки, то ли половцы» [Николаева 1997а: 41].

Разнообразие типов поэтического совмещения значений, вероятно, может быть увеличено (см., в частности, примеры в [Перцова 1988]). Это, однако, выходит за пределы настоящего обсуждения; здесь мы ограничимся лишь тем соображением, что поэтическое совмещение значений (по крайней мере, наши типы 2 и 3), будучи вполне очевидным аргументом в пользу «единства слова», не является ни в коей мере аргументом против принципа дискретности представления многозначности в словаре (то, как и в словарные значения совмещаются, обычно нетрудно установить – труднее бывает описать эффект их совмещения, но это, по-видимому, выходит за рамки задач лексикографии). Тем более поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что «в норме» в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова (см. ниже): поэтический язык именно нарушает эту «норму», чем и достигается эффект.

Если поставить задачу перечислить все типы случаев, когда под одной «оболочкой» в высказывании скрывается несколько разных смыслов, то к этому списку следует добавить, с одной стороны, каламбур, т.е. создающее комический эффект соединение (обычно намеренное) двух очевидно различных смыслов, ни один из которых не «имеется в виду» (так как в намеренном каламбуре имеется в виду – рассмешить, и только)¹³. С другой стороны (т.е. с содержательно противоположного полюса), к этому списку примыкает соединение двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т.е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов – то, что по-английски называется *vagueness*). Примером здесь может служить выражение

¹³ Ср. о каламбуре в [Падучева 1982: 85]: «Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все «имеются в виду» [...], следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом».

бороться с еретиками [Апресян 1974: 181], в котором реализованы одновременно два разных значения (*бороться с кем-то за что-то* и *бороться с чем-то*). Такие случаи неточно было бы называть *совмещением* значений; более принято их обозначать словом *синкретизм* или *неразличение* (впрочем, последовательности в употреблении этих терминов нет). Однако еще точнее было бы говорить, что в таких случаях слово имеет одно значение, но просто это значение – более высокого уровня, на котором признак, различающий значения более низкого уровня, не релевантен¹⁴.

Так, например, у глагола *бояться* отчетливо противопоставлены два значения: «эмоциональное», где на первом плане находится чувство страха, основанное на представлении о негативном характере некоторого события, и «ментальное» значение вероятностной оценки, см. [Зализняк 1983]. Эти два значения по-разному взаимодействуют с отрицанием. Так, во фразе

(15) Я не *боюсь* съезжать с этой горы

реализовано первое, «эмоциональное» значение (= ‘не испытываю страха’), а во фразе

(16) Верой в будущее не *боюсь* / Показать тебе краснобаем (Б. Пастернак)

представлено «ментальное» значение: *не боюсь показаться* значит ‘не считаю вероятным, что это произойдет’.

Противопоставленность этих двух значений глагола *бояться* подтверждается возможностью языковой игры, примером которой может служить следующий эпизод, рассказанный В. Б. Шкловским¹⁵:

(17) Маяковскому передали, что Брюсов якобы сказал о нем «*Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет».

Владимир Владимирович очень забавно показывал, как Брюсов спит и просыпается ночью с воплем:

– *Боюсь, боюсь!*

– Ты чего *боишься?*

– *Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет.

Между тем в других случаях, в том числе под отрицанием, выбор между этими двумя значениями оказывается невозможен – и при этом не в силу недостаточности контекста, а потому что данная оппозиция отсутствует в смысловом задании. Например, произнося фразу

(18) Я не *боюсь* остаться одна,

говорящий может иметь в виду, что либо этого не произойдет, либо это не будет плохо – причем такая эксплицитная дизъюнктивность присутствует лишь в нашем толковании; самим говорящим она скорее всего не осознается.

¹⁴ По существу та же самая проблема рассматривается в работах [Урысон 1997, 1998], где обсуждается явление «несостоявшейся полисемии»: речь идет о лексикографической трактовке «лексем» с дизъюнкцией в толковании – при том что в значительной части употреблений выбор не детерминирован (ср. дизъюнкцию ‘пространство или поверхность’ в толковании слова *небо*).

¹⁵ В. Шкловский. О Маяковском. М., 1940 (цит. по [Сарнов 2002: 11]). Этим примером я обязана С. А. Крылову.

Иными словами, в некотором контексте может оказаться несущественный признак, который различает два значения в других контекстах (и дает основание лексикографу различать их в словарном описании). Ср. в этой связи следующие высказывания Д. Н. Шмелева: «Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно» [Шмелев 1973: 77]. И далее: «Речь идет не о специальном приеме поэтического (часто просто каламбурного) использования слов в контексте, обнажающем их многозначность, а о том, что в обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга [...] Подобная «диффузность» отдельных значений не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью «совмещения» некоторых из них в определенных контекстах». [Там же, с. 80]. Обратим внимание на употребление кавычек при слове *совмещение*.

Что «совмещение значений» – явление не просто не периферийное, а в некотором смысле конституирующее для семантической системы языка, следует из того, что именно так происходит семантическая эволюция: в течение какого-то времени два значения совмещаются, не различаясь, а потом расходятся, инкорпорируя в свою семантическую структуру элемент значения контекста, в результате чего различие становится уже не позиционным, а ингерентным – ср. известный пример Бенвениста *le faucon vole la perdrix* «сокол преследует и хватает на лету куропатку» [Бенвенист 1974: 333]. Нам сейчас очевидно, что ‘лететь’ и ‘воровать’ – это два разных смысла (соответствующих двум омонимам, на которые распадается современный франц. глагол *voler*), но ведь когда-то они выражались одновременно и нерасчлененно.

С указанной оговоркой (т.е. если случаи непоэтического синкретизма считать одним значением) можно согласиться с утверждением, что «в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений» [Апресян 2000: XXVII-XXVIII].

Способы представления многозначности

Среди существующих на сегодняшний день способов представления многозначности, применяемых разными авторами, назовем следующие:

1. Иерархически упорядоченный (= многоуровневый) набор частных значений (традиционные толковые словари, Толково-комбинаторный словарь А. К. Жолковского и И. А. Мельчука; Ю. Д. Апресян).
2. Множество частных значений с заданным отношением производности (= семантической деривации), связывающих их с исходным значением, т.е. схема Куриловича (Е. В. Падучева, «семантические мосты» И. А. Мельчука, В. Туровский – операции над толкованием).

3. И н в а р и а н т ($\approx$ общее значение) и в той или иной степени выводимые из него варианты (= частные значения), реализующиеся в разных контекстных условиях, т.е. схема Якобсона (Н. В. Перцов)

4. Значение слова как набор семантических компонентов, или компонентов толкования, имеющих вид утверждений на семантическом метаязыке (А. Вежбицкая). Сравнение этих наборов выявляет общее и различное в значении синонимов в пределах одного языка, переводных эквивалентов в разных языках, а также разных значений одного слова (каждому из которых сопоставляется свой набор)¹⁶.

5. Образ-схема, или схематический образ (image schema): картинка, позволяющая, по предположению, когнитивно адекватным образом представить как значение слова, так и структуру его многозначности: разные значения «выбирают» (профилируют, выдвигают на первый план) разные части схемы в качестве центральных, оставляя прочие за пределами поля зрения или на его периферии, что отражает устройство нашего зрительного восприятия и других когнитивных процессов (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Л. Янда, и др.)

6. Абстрактная схема и набор формальных операций ее логического преобразования, в результате применения которой получают частные значения [Д. Пайар].

Не ставя перед собой задачу сделать обзор перечисленных концепций, остановимся лишь на некоторых существенных моментах.

Среди принципов когнитивного подхода к многозначности могут быть названы следующие (см. [Lakoff 1987; Smith 1999] и др.).

1. Все языковые единицы многозначны.
2. Для многозначной языковой единицы не существует единого ядерного (инвариантного) значения, такого, что все остальные являются его вариантами.
3. Значение языкового выражения может быть представлено в форме его схематического образа (образ-схемы).
4. Значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радикальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми остальными посредством трансформаций образ-схемы (т.е. ментальных операций, позволяющих говорящему связать концептуально близкие конфигурации как варианты одной базовой образ-схемы), а также метафоры.
5. Нецентральные (производные) значения не могут быть предсказаны на основании центрального, но они мотивированы центральным значением, трансформациями образ-схемы и метафорическими переносами.
6. Между описанием полнозначных слов и служебных слов и морфем нет принципиальной разницы..

---

¹⁶ Полисемии А.Вежбицкая придает меньшее значение; ср. однако ее описание разных значений англ. слова *soul* в [Wierzbicka 1992: 36-38], глаголов *to ask*, *to tell* и др. в [Wierzbicka 1987], слов *правда* и *неправда* в [Вежбицкая 2002].

Среди этих принципов особенно важным представляется противопоставление выводимость vs. мотивированность. Действительно, производное значение называется выводимым, если для него существует правило вывода (вида «всякий раз, когда имеется совокупность условий А, происходит процесс, приводящий к результату В»). Такие правила в семантике есть, но их очень мало. Мотивированностью производного значения называется наличие некоторой прозрачной содержательной связи между состояниями А и В. По-видимому, следует согласиться с тем, что семантическая производность в общем случае обладает свойством мотивированности, но не обладает свойством выводимости. Действие механизмов семантической деривации определяется взаимодействием столь большого количества факторов, что предсказать его в общем случае не представляется возможным. Другое дело, что когда известно, что тот или иной семантический переход уже произошел в некотором слове, то знание механизмов мотивации (семантической деривации) позволяет нам объяснить, почему этот переход имел место в данном слове, но не, например, в другом, близком по смыслу (ср. [Dirven 1985: 27]). Так, например, в [Розина 2002] приводится весьма убедительное объяснение того факта, что у глагола *подогреть* появляется жаргонное значение, переносящее его в область межличностных отношений (= ‘дать взятку’), а у глагола *согреть* никакого подобного значения нет. Другими словами, знание механизмов семантической деривации позволяет нам выявить возможные, допустимые с точки зрения внутренней логики языка пути семантического развития; использует ли реально язык данную возможность, предсказать нельзя.

В целом нельзя не признать значительные достижения когнитивной лингвистики в исследовании феномена языковой многозначности. Идея взаимодействия фигуры и фона, профиля и базы – как порождающего принципа для многозначности безусловно продвигают нас в познании этого языкового феномена. Особенно успешно данный концептуальный аппарат может быть применен к анализу сильномногозначных служебных слов и морфем – прежде всего, предлогов и приставок (см. например обзор [Филиппенко 2000] о предлогах, книгу [Janda 1986] о приставках и др.). Имеются, однако, некоторые сомнения относительно эффективности распространения когнитивного концептуального аппарата на исследование таких слов абстрактной семантики, абстрактное значение которых является исходным (а не производным) – например, слов типа *знать* или *ждать*, *жалко* или *напрасно*. Да и относительно таких слов как *необходимый* или *неизбежный* нет уверенности в том, что описание их значения должно апеллировать к словам *обойти* и *избежать* в их исходном, пространственном значении (ср. ниже о различной компетенции разных носителей языка, в том числе и в отношении внутренней формы). Конечно, когнитивный подход может быть расширен и на такие случаи, однако, как представляется, за пределами пространственной метафоры (т.е. описания значения приставок, предлогов, глаголов физического действия, предметных имен и некоторых других классов слов) он оказывается не то чтобы не

эффективен, но эффективен лишь в той мере, в какой он теряет свою специфику, отличающую его от более традиционных методов семантического анализа.

Другое сомнение в правомерности когнитивного подхода связано с тем, что апелляция к устройству сознания (cognition) требует умения с ним обращаться, которое в общем случае выходит за рамки компетенции лингвиста. При этом, хотя языковая способность безусловно является частью когнитивной деятельности человека, ниоткуда не следует, что разные виды когнитивной деятельности устроены одинаково (и тем самым сведения о протекании других когнитивных процессов, даже если бы мы ими располагали, все равно не могут быть непосредственно применены к языку). Поэтому, как кажется, наоборот, чем глубже наше понимание семантической структуры языка, механизмов овладения и пользования языком, тем больший вклад вносит лингвистика в когнитивную науку.

Данное соображение тем более существенно, что помимо обращения непосредственно к устройству сознания, все остальные принципы когнитивной лингвистики в действительности широко применяются в разных направлениях отечественной семантики¹⁷. Имеются в виду такие постулаты как: влияние на язык социального, психологического, культурного и прочих «внешних» факторов, зависимость языковой структуры от концептуализации мира и наоборот, лингвоспецифичность концептуальных структур, отраженных в значении слов каждого языка, отсутствие границы между языковым и энциклопедическим знанием, взаимопроникновение разных уровней языка – синтаксиса, морфологии и лексики (ср. перечень принципов когнитивной лингвистики, приводимый в [Rudzka-Ostyn 1993: 1-2]). Эти принципы реализуются, в частности, в работах в области языковой концептуализации и семантики лингвоспецифичных слов (ср. [Шмелев 2002] и др.). Исследования в области метафорической сочетаемости, или «вещных коннотаций», слов абстрактной семантики (принципы которого были изложены в работах [Арутюнова 1976; Успенский 1979]), концептуального анализа – в том числе, моделирование значения таких слов путем нахождения их аналога в мире физических явлений фактически реализуют центральный принцип когнитивной лингвистики (ср. [Туровский 1991] и многие другие позднейшие публикации серии «Логический анализ языка»). Близка когнитивной лингвистике и идея построения концептуальной схемы (см. ниже), объединяющей не только разные значения многозначного слова, но также и разные слова – ср. такие ряды, как *сожалеть, жалеть, жаль, жалко; обидеть, обидно, обида*, описанные в работах [Зализняк 1988; 2000a] и анализ в англ. слов *go, gone, away* [Langacker 2002: 6]. Здесь уместно также упомянуть рассмотрение конверсивов в одном ряду с другими типами диатетических сдвигов, происходящих внутри одного слова в работах Е. В. Падучевой, которое восходит к имеющей давнюю традицию

---

¹⁷ Ср. [Паршин 1996: 31] о том, что когнитивную лингвистику характеризует «смена познавательных установок» в большей степени, чем новые методы исследования.

проблематике прототипической ситуации и различных способов ее лексикализации (ср. [Fillmore 1968; 1977; Апресян 1974; Кибрик 1980] и др.). Общей с когнитивной лингвистикой является идея различной «фокусировки внимания», «выдвижения» на первый план того или другого участника ситуации и/или семантического компонента как порождающего принципа полисемии – ср. термин «профилирование» в когнитивной лингвистике, например [Langacker 2002: 5], термин *windowing of attention* [Ungerer, Schmid 1996: 218; Talmy 2000: 76-77] и др.

Идея, что многозначность порождается актуализацией, в различных условиях, различных аспектов (семантических компонентов) значения слова, развивается в работах Е. В. Падучевой (см. [Падучева 1998, 1999а, б, 2000, 2003]). Сходные идеи высказывались и другими учеными – ср., например, работы [Гуревич 1988: 27], [Гак 1998: 30, 238]. Одна из первых попыток описания средствами формального метаязыка типовых отношений семантической деривации, связывающих одно значение многозначного слова, принимаемое за исходное, с остальными его значениями, содержится в статье [Туровский 1985]. Модели семантической деривации для широкого круга русской базовой лексики описаны в работах [Кустова 2001; 2002; Розина 1999; 2002]. О близости понятий *регулярной многозначности (семантической деривации)* и понятия *трансформации образ-схемы (image-schema transformation)* см. [Филипенко 2000: 33]; ср. также [Рахилина 2000а: 5]. Наконец, сама идея неких схематизированных образов как «кирпичиков», из которых строятся языковые значения (ср. [Goddard 1998: 79-80]) по существу весьма близка к идее семантических примитивов.

Действительно, представляется весьма правдоподобной гипотеза, что базовые элементы опыта, из которых строятся языковые концепты, существуют на невербальном уровне, и поэтому любая попытка перевести эту информацию в вербальную форму обречена на неудачу. Однако перевод в визуальную форму точно так же не может быть произведен без потерь. Особенно сомнительно это в случае «кинестетических» (т.е. непосредственно отражающих наш сенсомоторный опыт) схем¹⁸ – ср. анализ английских предлогов *in* и *out* на основании опыта восприятия тела как «контейнера» в [Lindner 1983] (цит. по [Goddard 1998]). «Картинки», таким образом, обнаруживают явное преимущество лишь в тех случаях, когда кодируемый фрагмент опыта – изначально визуальной природы; возможно, это верно для пространственных наречий и предлогов (ср. весьма убедительный анализ англ. предлога *over* в [Dewell 1994]). С другой стороны, «когнитивная адекватность» любой такой модели практически неверифицируема. Аргументом против разного рода «картинок» служит также тот общеизвестный факт, что в лингвистике графические репрезентанты идей автора за редкими исключениями бывают понятны лишь самому автору – во всяком случае, они ничего не проясняют по сравнению со своей вербальной версией. Например, в работе [Рахилина 2000б], где обсуждается вопрос о преимуществах

¹⁸ См. [Johnson 1987; Lakoff 1987; Deane 1988].

графического способа представления пространственной информации, в частности, при необходимости выяснения локализации того или иного объекта (с чем нельзя не согласиться), никакой «картинки» читателю не предлагается. В статье [Плунгян, Рахилина 2000: 118-119] предлагаемый весьма условный графический образ лишь сопровождает его вербальный аналог (с каковым реально и работают в дальнейшем авторы).

Значение языковой единицы как реализация ее «концептуальной схемы»

Существует, как известно, два способа представления многозначности, ориентированных на сохранение «единства слова» – общее значение по Якобсону [Якобсон 1985а], ср. близкое понятие инварианта в [Якобсон 1985б], с одной стороны, и главное значение по Куриловичу [Курилович 1962: 264] – с другой. В обоих случаях единство слова обеспечивается деривационными связями, соединяющими все частные значения; принципиальное различие между ними состоит в том, что схема Куриловича предполагает манипулирование с «реальными» значениями, обнаруживающими себя в конкретных употреблениях, в то время как принятие схемы Якобсона означает обращение к ненаблюдаемой семантической сущности, находящейся на ином уровне абстракции и требующей иного метаязыка, чем тот, который используется при лексикографическом описании. И тот и другой способ представления обладает рядом преимуществ и недостатков, которые много обсуждались в литературе (см., например [Wierzbicka 1980; Вежбицкая 1996; Перцов 2001; Падучева 2000]), здесь нет нужды эти аргументы воспроизводить.

Наш тезис состоит в том, что в языке сосуществуют разные механизмы, обеспечивающие единство значения языковой единицы; соответственно, множественным должен быть и способ их представления. Другими словами, в каких-то случаях предпочтительным (т.е. более адекватным объекту) является описание, при котором различаются исходное и производные значения, рассматриваемые как сущности одного и того же порядка (схема Куриловича), в других – очевидны преимущества способа описания, различающего два уровня – скрытый и явный (схема Якобсона). То же верно и в отношении имеющего уже достаточно длительную традицию противопоставления «классического» и «прототипического» подхода к категоризации (ср. [Вежбицкая 1996: 201])¹⁹. Иногда одно и то же слово нуждается как в прототипическом, так и в признаковом анализе – ср. [Вежбицкая 1996: 210] о словах *мебель* и *птица*.

Предлагаемый в данной работе способ представления той сущности, которая обеспечивает семантическое единство слова, назван **концептуальной схемой**. Этот термин объединяет несколько разных конкретных метаязыковых

¹⁹ Ср. также доклад М. Монелья на конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (МГУ, 1995), где вводится противопоставление прототипических и непрототипических глагольных предикатов: предикаты первого типа идентифицируются с опорой на прототип, второго – путем верификации условий, предъявляемых толкованием.

техник – как уже давно и широко применяемых в лингвистике, так и новых – на функциональной основе: все эти техники имеют целью представить все значения многозначного слова как единое целое. В качестве концептуальной схемы могут выступать, в том числе: инвариант, общее значение, прототипический сценарий (*scenario*, см. [Wierzbicka 1999]) – в тех случаях, когда удастся выявить, найти формулу, которая была бы одновременно в достаточной мере содержательна и операциональна, и при этом не содержала бы фиксированного значения тех параметров, которые должны на этом уровне оставаться неопределенными.

Так, у наречия *напрасно* различаются три частных значения: неэффективности действия (*напрасно съездил* = ‘безрезультатно’), ошибочности мнения (*напрасно так думаешь* = ‘ошибаешься’) и оценочное (*напрасно отказался* = ‘лучше было согласиться’). Для всех значений слова *напрасно* может быть сформулирован следующий семантический инвариант, который является одновременно его концептуальной схемой:

Употребляя выражение *напрасно P*, говорящий утверждает, что то *Q*, которое составляет *raison d'être* этого *P*, не существует²⁰

Каждое из перечисленных частных значений слова *напрасно* является реализацией этой схемы: для первого значения *Q* представляет собой цель, которую хочет достичь агент действия *P* путем совершения *P* (и не достигает); для второго *Q* – это действительное (с точки зрения говорящего) положение вещей: именно оно является основанием, оправданием для существования соответствующего мнения (*P*); для третьего *Q* – это некоторое положительное последствие *P*, которое является основанием для положительной оценки самого *P*.

Способ представления многозначности при помощи концептуальной схемы является в некотором смысле дополнительным к способу, при котором отношения семантической деривации связывают одно из реальных значений слова, принимаемое за исходное, с остальными, производными. Модель порождения производных значений из исходного более эффективна в случаях относительно регулярной многозначности (некоторые типы метафорического переноса, сдвиги, связанные со сменой диатезы, изменением категориальной принадлежности актанта и некоторых других – ср. работы Е. В. Падучевой). Понятие концептуальной схемы оказывается более эффективным для тех слов, чья многозначность, по той или иной причине, не может быть описана в рамках модели порождения производных значений из исходного, но при этом семантическое единство слова достаточно велико, чтобы задача его экспликации была осмысленна. Для выявления этого единства бывает необходимо использовать метаязык, отличающийся от естественного тем, что в нем остаются не выраженными какие-то противопоставления, встроенные в значение слов естественного языка (используемых также в метаязыке толкований), и

²⁰ Обратим внимание на то, что эта формулировка весьма близка к диахронически исходному, но в современном языке утраченному значению этого слова (‘не имеющий видимой причины, основания’, ср. *напрасная смерть*).

используются коммуникативно не расчлененные утверждения. Еще одно существенное свойство концептуальной схемы, отличающее ее, например, от общего значения, состоит в том, что концептуальная схема может быть единой для нескольких разных слов.

Таким образом, одна модель позволяет более точно проработать детали, другая – более ясно увидеть целое. По этой причине обращение к концептуальной схеме может оказаться уместным даже и в тех случаях, которые вполне адекватно описываются в рамках модели порождения производных значений из исходного; более того, при описании той или иной реализации концептуальной схемы в конкретном значении иногда оказывается удобнее выводить одно значение из другого, принимаемого за исходное – имея в виду при этом общую концептуальную схему, которая стоит за всеми значениями (ср. ниже о словах *мимо*, *собираться*).

Рассмотрим семантику *сожаления*. Обращение к концептуальной схеме вызвано здесь необходимостью объяснить возможность объединения в одном слове употреблений, в которых пропозитивный объект имеет противоположный оценочный знак. Так, можно, с одной стороны, *сожалеть о совершенной ошибке* (т.е. о чем-то плохом – ‘сожалеть 1’), с другой – *о счастливой молодости* (т.е. о чем-то хорошем – ‘сожалеть 2’). Соответственно, фраза типа *Он сожалел о годах, проведенных во Франции*, неоднозначна: то ли он считал, что это зря потраченное время, то ли, наоборот, прекрасное.

Семантическое единство слова *сожалеть* может быть восстановлено, если мы обратим внимание на особое устройство оценочного компонента в этом глаголе. Дело в том, что здесь константой является ценностное соотношение «то, чего нет (в действительном мире) лучше чем то, что есть». Отмеченная выше противоположность оценки пропозитивного объекта обусловлена тем, что в первом случае в качестве актанта глагола *сожалеть* выбирается один термин сравнения (совершенная ошибка – это «то, что есть»), а во втором – другой: (счастливая молодость – это «то, чего нет»). Итак:

Некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое могло бы в нем существовать, представляется человеку как ЛУЧШЕЕ по сравнению с тем, которое существует.

Эта формула обладает, однако, тем недостатком, что в ней использован языковой оператор предпочтения *лучше*, который не содержит некоторых «нужных» и, наоборот, содержит некоторые «ненужные» для концептуальной схемы компоненты; еще менее подходят слова *хорошо* или *плохо*: ни одно из них не позволяет объединить абсолютную и компаративную оценку и при этом не фиксировать перспективу (т.е. объединить смыслы ‘Р плохо’, ‘не-Р хорошо’ и ‘не-Р лучше, чем Р’, ‘Р хуже, чем не-Р’). Поэтому более адекватным способом представления оценочного компонента является шкала, которая составляет компонент (с) концептуальной схемы сожаления:

реального толкования. Поэтому, например, концептуальная схема *раскаяния* фактически совпадает с толкованием.

Концептуальную схему для сильномногочисленных слов абстрактной семантики составляет неформальное описание прототипической ситуации, включающей несколько элементов, каждый из которых может становиться главным, отодвигая остальные на задний план. Элементы прототипической ситуации соответствуют компонентам семантической структуры, которые в разных значениях имеют разный коммуникативный статус. Так устроена многозначность, например, глаголов *бояться*, *говорить*, *сочувствовать*, *ждать*, *подозревать* и др. – см. [Зализняк 1983; 1992; 1999; 2000б]).

Рассмотрим еще один пример. Глаголам *собираться* и *намереваться* <нечто сделать> может быть сопоставлена следующая концептуальная схема:

Человек находится в промежутке времени между принятием решения и его осуществлением.

Простое значение *намерения*, иллюстрируемое примерами типа

(20) Он *собирается/намеревается* жениться, покупать дачу, уезжать в Америку,

возникает в том случае, когда первый компонент, соответствующий прохождению первой точки (принятия решения), является ассертивным, а второй компонент (соответствующий тому факту, что вторая точка еще не пройдена, т.е. действие еще не осуществлено) – условием уместности. В таких случаях речь идет именно о намерении субъекта и больше ни о чем, и здесь глагол *собираться* практически синонимичен глаголу *намереваться* и его переводным эквивалентам в европейских языках, а также, что не менее существенно, глаголу сов. вида *собраться*: про всякого человека, который *собирается* жениться, покупать дачу, уезжать в Америку и т.д. верно также, что он *собрался* это сделать и наоборот (различие здесь чисто аспектуальное – в одном случае в фокусе внимания находится само состояние, в другом – переход в это состояние, т.е. это различие, общее для всех перфектных видовых пар).

Лингвоспецифичное процессное значение *собираться*, присущее глаголу *собираться*, но не *намереваться* и представленное в употреблении типа (21)²², возникает из той же концептуальной схемы, но здесь происходит два семантических сдвига (по сравнению со значением намерения).

(21) Уже час лежу и *собираюсь* встать; *собираюсь*, да все никак не *соберусь* <ответить на письмо, кому-то позвонить>; все утро *собирался* сесть работать, да так и не *собрался*.

Первый сдвиг состоит в том, что смысловой компонент ‘X еще не совершил P’ повышает свой статус: из условия осмысленности он превращается в полноценный (ассертивный) семантический компонент, который может становиться главным ассертивным²³. Одновременно происходит другой, чисто

²² Об этом значении глагола *собираться* см. подробнее [Зализняк, Левонтина 1996].

²³ Подобное повышение статуса происходит с компонентом ‘не вступая в контакт’ в значении слова *мимо* (см. ниже).

смысловой сдвиг: размывается сама идея принятия решения; оно как бы расслаивается на два этапа: что-то вроде (i) 'это надо сделать; я когда-нибудь это сделаю' и (ii) 'я это сейчас сделаю'. И *собираться* в этом производном значении описывает состояние не между принятием решения и его осуществлением (как в исходном значении намерения), а между этим первым и этим вторым этапом принятия решения. И тогда *собираться* превращается в квазипроцесс мобилизации сил, «собрания» их в одном месте (аналогично тому, как человек собирает и складывает вместе вещи, необходимые ему в путешествии). Этот процесс является предельным, и пределом его оказывается событие *собраться* (т.е. собрать достаточно внутренних ресурсов, чтобы перейти к этапу 'я это сделаю'). И здесь уже *собираться* и *собраться* оказываются не просто не взаимозаменяемы, а вступают в отношение «процесс – результат этого процесса», причем результат не автоматический: пара *собираться – собраться* уподобляется предельным парам типа *решать – решить* (т.е. типа «попытка – успех», см. [Маслов 1984]). Поэтому оказывается возможной эта на первый взгляд парадоксальная формула: *собирался, но не собрался* – по аналогии с *решал, но не решил*.²⁴

Для сильно многозначных слов пространственного значения (пространственных предлогов и наречий, глаголов движения, а также глагольных приставок) концептуальная схема включает некоторый пространственный образ, на который накладывается определенная концептуальная структура, задающая возможности «выдвижения» тех или иных ее фрагментов, на основе чего возникают реальные частные значения. Так, фраза

(22) Мы проедем *мимо* Гамбурга,

в зависимости от интонации, может выражать как надежду на встречу (с человеком, находящимся в Гамбурге) [слово *мимо* произносится без ударения: значение 'мимо 1'], так и сожаление о том, что она не состоится [*мимо* несет на себе фразовое ударение: 'мимо 2']. Слову *мимо* может быть сопоставлена следующая концептуальная схема, допускающая разные реализации (что объясняет возможность указанного смыслового расхождения в пределах одного слова):

Имеется три сущности: движущийся объект (X), неподвижный объект (Y) и окрестность объекта Y. Объект X движется таким образом, что в какой-то момент он проходит через окрестность Y-а.

'Мимо 1' и 'мимо 2' различаются тем, как членится эта картина: в 'мимо 1' различие между Y и его окрестностью является несущественным: ситуация концептуализуется как прохождение X-а через окрестность Y-а или, возможно, через сам Y. В 'мимо 2', наоборот, принципиальное значение имеет противопоставление Y-а и его окрестности: здесь важно то, что траектория X-а не проходит через сам Y.

²⁴ Это уподобление, как кажется, все же остается неполным: здесь сохраняется элемент языковой игры.

Каждому из элементов концептуальной схемы ‘мимо’ может быть сопоставлен семантический компонент толкования. Приняв одно из значений за исходное (а именно то, которое реализуется при нейтральном фразовом ударении) мы можем описать то же соотношение следующим образом: значение ‘мимо 2’ возникает из значения ‘мимо 1’ за счет реорганизации его семантической структуры, а именно, за счет того, что неустойчивый и второстепенный по своей значимости компонент (‘X не вступает в контакт с Y’) выходит на первый план, становясь главным ассертивным, см. подробнее [Зализняк 1994]. Описанный тип сдвига является одним из важнейших механизмов семантической деривации.

Обратим внимание на то, что концептуальная схема отличается от исходного значения, прежде всего, отсутствием в ней информации об относительной коммуникативной значимости компонентов. Соответственно, в тех случаях, когда компонентов немного или их коммуникативная иерархия несущественна (в частности, если компонент всего один), то концептуальная схема просто совпадает с исходным значением.

Заключительные замечания

Как представляется, решение задачи описания многозначности надо искать на пути, который предполагает разведение вопросов о том, как реально устроена многозначность (т.е. как ею пользуются говорящие при синтезе и анализе речи, в том числе – какие частные значения «запоминаются», какие порождаются по тем или иным схемам или образцам, а какие и вовсе не осознаются как различные) и о том, как следует ее описывать в словаре (имеется в виду словарь-справочник, адресатом которого не является лингвист – в отличие от словаря как популярного в последнее время жанра лингвистического исследования). Наш тезис состоит в том, что словарное представление значения многозначного слова не должно стремиться отразить то, в каком виде информация о многозначности хранится у говорящего в сознании и то, как он им пользуется.

Причин тому несколько.

Во-первых, мы не знаем, в каком виде информация о многозначности хранится в сознании говорящего.

Есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь не от «конкретного» к «абстрактному», а скорее от самого общего представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, – к постепенному расчленению и оппозиции частных значений. Об этом свидетельствуют данные как онтогенетического, так и филогенетического свойства – ср., с одной стороны, исследования в области семантики древних языков (в частности [Иванов 1999: 550] о синкретизме др.-греч.).

[Swadesh 1972: 183-185)]²⁵ – и, с другой стороны, исследования в области овладения языком (см. [Barrett 1995] с дальнейш. библиогр.)²⁶. Так, известно, что, с одной стороны, 3-4-х летний ребенок отвергает употребление взрослыми слов в переносном значении (ср. *Молоко не может убежать, у него же нету ног* [Цейтлин 2000: 199]); с другой стороны, в детской речи, например, желудь и предмет, внешне напоминающий желудь – это одно и то же (ср., впрочем, одно из значений таких слов как *шар* или *круг* в обычном «взрослом» языке). Называя капли смолы на елке *слезами, которыми елка плачет*²⁷, ребенок не делает ничего принципиально иного, чем когда он собачьи уши называет тем же словом, что и свои; словом *бабах* двухлетний ребенок может обозначать ‘удар’, ‘больно’, ‘звук удара’, а также ‘мяч’ и вообще любой ‘шарообразный предмет’. Во всех этих случаях нет метафоры и метонимии, потому что нет как такового переноса. Другими словами, ребенок отвергает метафору постольку, поскольку он способен ее обнаружить; ему нужно не подобие, а тождество (капля смолы в форме слезы – это и есть слеза).

Во-вторых, как уже упоминалось выше, есть серьезные основания полагать, что способ хранения информации и манипулирования ею несколько различается – в зависимости как от ментального склада говорящего, так и от других факторов – социального, возрастного, профессионального²⁸.

В-третьих, как показывает практика обращения с разного рода словарями (как двуязычными, так и толковыми), любое сколь угодно совершенное толкование дает менее ясное представление о значении слова, чем ряд примеров употребления данного слова в искомом значении²⁹. По-видимому, объяснение этого феномена состоит именно в том, что значение слова «хранится» у говорящего не в форме набора значений, репрезентируемых своими толкованиями. (В частности, если и существует язык *lingua mentalis*, то говорящему он еще более недоступен, чем исследователю). При этом следует иметь в виду, что многие контекстно обусловленные различия говорящим вообще не замечаются (в частности, различия, касающиеся таксономического класса актанта, ср. анализ глагола *разбить* в [Падучева 2002]). Тем самым как постулируемые значения, так

²⁵ По-видимому, первыми осознали существование переносного значения древние греки, давшие ему название («метафора») – см. Аристотель. *Поэтика*, 21.

²⁶ Я благодарна Е. Ю. Протасовой за консультации по вопросам, связанным с детской речью и овладением языком.

²⁷ Ср.: *Прозрачной слезой на стенах проступила смола* (О.Мандельштам. За то, что я руки твои не сумел удержать...). См. также [Цейтлин 2000: 195] о сходстве механизмов детского и поэтического речевого творчества.

²⁸ Непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме имеет также тот общеизвестный факт, что способность к языкам, т.е. способность быстро и без труда научиться понимать и говорить на иностранном языке, обычно не совмещается со способностью строить и применять алгоритмы (т.е. с тем, что условно называется «аналитическим мышлением»). Поэтому лингвисты редко бывают настоящими полиглотами, и этот факт удивляет только непрофессионалов.

²⁹ Аналогичным образом, текст, записанный в фонетической транскрипции, нам гораздо труднее понимать, чем в орфографической записи.

и описание правил их порождения представляют собой моделирование мета-языковой деятельности лингвиста в большей степени, чем языковой компетенции говорящего. Иными словами, не исключено, что не только толкование, но и само частное значение – это элементы метаязыка описания и только его.

При этом реальное функционирование многозначности языковой единицы является результирующей столь многих факторов, что наиболее адекватное представление об этом феномене мы можем получить лишь имея в своем распоряжении несколько разных, взаимодополняющих или даже альтернативных способов описания. Таких способов описания должно быть как минимум два:

1) классическое словарное описание в виде списка дискретных значений (где в центре внимания должен находиться подбор примеров, охватывающих все релевантное множество употреблений данного слова);

2) осмысление этого списка, представляющее собой гипотезу о том, как данная система значений хранится в сознании говорящего и используется им (которая носит принципиально множественный характер).

Представление многозначности в виде множества частных значений – с установленной между ними иерархией и выявленными моделями семантической деривации или без них – всегда будет несовершенным (в смысле – неадекватным фактам), и это несовершенство обусловлено не недостатком нашей добросовестности или проницательности, а природой многозначности, которая устроена недискретно в языке как системе: при реализации в речи недискретность существенно убывает, но не устраняется вовсе. Это, однако, ни в коем случае не означает, что от «словарного» способа представления многозначности следует отказаться.

Итак, существуют две разные задачи. Одна состоит в том, чтобы оптимальным образом организовать информацию, нужную для пользователя. Другая – в том, чтобы понять, как устроена многозначность в языке, а это означает провести, тем или иным образом, границу между воспроизводимым и порождаемым и выявить механизмы семантической деривации, которыми пользуется говорящий (и, соответственно, производящий обратную операцию слушающий) в зоне «порождения». Что касается первой задачи, то по-видимому, оптимальным на сегодня является метод представления значения слова в форме «лексикографического портрета» (см. [Апресян 1995г]). Для решения второй задачи представляется эффективным использование, наряду с моделью порождения производных значений из исходного, модель, оперирующую понятием концептуальной схемы и ее реализаций.

Значение слова, которое оно имеет в конкретном употреблении, является результирующей двоякого рода операций над компонентами, составляющими его концептуальную схему: с одной стороны, это выбор наиболее существенных семантических компонентов (для некоторых типов слов это может быть выбор фрагментов пространственной схемы) и их упорядочение по признаку коммуникативной значимости (презумпция, ассерция, импликация и др.); с другой стороны – переосмысление выбранных компонентов, обусловленное

изменением таксономического класса актантов. Взаимодействие этих операций обеспечивает конкретный набор правил семантической деривации, порождающих – в той или иной степени регулярную – многозначность³⁰.

Список литературы

- Апресян 1974 – *Ю.Д. Апресян*. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1995а – *Ю.Д. Апресян*. О языке толкований и семантических примитивах // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 1995б – *Ю.Д. Апресян*. Коннотации как часть прагматики слова // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 1995в – *Ю.Д. Апресян*. Новый объяснительный словарь синонимов: Концепция и типы информации. // Новый объяснительный словарь синонимов. Проспект. М., 1995.
- Апресян 1995г – *Ю.Д. Апресян*. Лексикографический портрет глагола *выйти*. // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2000 – *Ю.Д. Апресян*. Структура словарной статьи словаря. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. М., 2000.
- Арутюнова 1976 – *Н.Д. Арутюнова*. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Баранов, Добровольский 1993 – *А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский*. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). В 2-х тт. М., 1993
- Бенвенист 1974 – *Э. Бенвенист*. Семантические проблемы реконструкции // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Бобрин 1995 – *Бобрин М.* Заметки о языке Андрея Платонова. // Wiener Slawistischer Almanach, Bd. 35, 1995. С. 165-191.
- Богуславский 2003 – *И. Богуславский, Л. Иомдин, В. Сизов, И. Чардин*. Использование размеченного корпуса текстов при автоматическом синтаксическом анализе. // Когнитивное моделирование в лингвистике. Сборник докладов. Варна, 1-7 сентября 2003.
- Вайль, Генис 2001 – *П. Вайль, А. Генис*. 60-е. Мир советского человека. М., 2001.
- Вежбицкая 1996 – *А. Вежбицкая*. Прототипы и инварианты. // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 201-230.
- Вежбицкая 2002 – *А. Вежбицкая*. Русские культурные скрипты и их отражение в языке. // Русский язык в научном освещении. №2 (4), 2002.
- Выготский 1968 – *Л.С. Выготский*. Психология искусства. М., 1968.
- Гак 1998 – *В.Г. Гак*. Языковые преобразования. М., 1998.
- Гаспаров 1996 – *Б.М. Гаспаров*. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

³⁰ Я благодарна Ю. Д. Апресяну, В. Г. Гаку, А. А. Кибрику, А. Е. Кибрику, М. А. Кронгаузу, С. А. Крылову, И. Л. Микаэлян, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, Н. В. Перцову и А. Д. Шмелеву, чьи соображения по поводу данной работы повлияли на ее окончательный облик.

- Грайс 1985 – Г.П. Грайс 1985 Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М., 1985
- Гуревич 1988 – В.В. Гуревич. Семантическая производность в грамматике. М., 1988.
- Демьянков 1985 – В.З. Демьянков. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М., Изд-во МГУ, 1985.
- Зализняк 1983 – Анна А. Зализняк. Семантика глагола *бояться* в русском языке. // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. 42, №1, 1983. С. 59-66.
- Зализняк 1988 – Анна А. Зализняк. О семантике сожаления. // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Зализняк 1992 – Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. – Slavistische Beiträge, B. 298, München: Otto Sagner Verlag, 1992.
- Зализняк 1994 – Анна А. Зализняк. Праздник жизни проходит мимо (Заметки о неоднозначности некоторых русских слов). // Wiener Slavistischer Almanach, B. 34, 1994, p. 261-278.
- Зализняк 1995 – Анна А. Зализняк. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // Russian linguistics, vol. 19, 1995, p.143-185.
- Зализняк 1998 – Анна А. Зализняк. О грамматической неоднозначности в поэтическом тексте: VIII стихотворение Катулла // Изв. РАН, сер. лит. и яз., №5, 1998.
- Зализняк 1999 – Анна А. Зализняк. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен (в связи с романом М.Кундеры «Невыносимая легкость бытия») // Festschrift Anna Wierzbicka, ed. by J.L.Mey.RASK № 9/10, Odense University Press, March 1999.
- Зализняк 2000а – Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (*обидно, совестно* и *неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000
- Зализняк 2000б – Анна А. Зализняк. Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету. // Язык о языке. М., 2000.
- Зализняк 2003 – Анна А. Зализняк. Семантика сожаления 20 лет спустя. // Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н.Д.Арутюновой. М., 2003.
- Зализняк, Левонтина 1996 – Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992). // In: Russian Linguistics, vol. 20, 1996.
- Иванов 1995 – Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем. // Вяч. Вс. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1995.
- Иванов 1999 – Иванов Вяч. Вс. Структура Гомеровских текстов, описывающих внутренние состояния. // Из работ Московского семиотического круга. М., 1999. С. 547-575.
- Иордананская 1967 – Л.Н. Иордананская. Синтаксическая омонимия в русском

- языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза). // НТИ, сер. 2, 1967, №5, С.9-17.
- Кибрик 1980 – *А.Е.Кибрик*. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1980, т. 39, № 4.
- Курилович 1962 – *Е.Курилович*. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Курицын 2001 – *В. Курицын*. Русский литературный постмодернизм. М., 2001.
- Кустова 2001 – *Г.И. Кустова*. Типы производных значений и механизмы семантической деривации. Автореф.... дисс. докт. филол. наук. М., 2001.
- Кустова 2002 – *Г.И. Кустова*. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой. // ВЯ, 2002, №2, С. 16-34.
- Левин 1998а – *Ю.И. Левин*. О. Мандельштам. Разбор шести стихотворений. // Ю.И.Левин. Избранные труды. М., 1995. С. 10-51.
- Левин 1998б – *Ю.И. Левин*. 1998б От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А.Платонова). // Ю.И.Левин. Избранные труды. М., 1995. С. 392-419.
- Лотман 1970 – *Ю.М. Лотман*. Структура художественного текста. М., 1970.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- МАС – Словарь русского языка. В 4-х тт. Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.
- Маслов 1984а – *Ю. С.Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 48 – 65
- Мельчук 1974/99 – *И.А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔Текст». М., 1999.
- Михайлова 2000 – *Н.И. Михайлова*. «Мой дядя самых честных правил» (Из наблюдений над текстом первой строфы «Евгения Онегина»). // Известия РАН. Сер. Лит. И яз., 2000, т. 59, №3. С. 31-34.
- Михеев 1998 – *М.Ю.Михеев*. Нормативное и «насильственное» использование словосочетания в поэтическом языке Андрея Платонова. // Русистика сегодня. №1-2, 1998. С.13-40.
- Николаева 1997а – *Т.М. Николаева*. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. «Слово о полку Игореве» и Пушкинские тексты. М., 1997.
- Николаева 1997б – *Т.М. Николаева*. *А мы швейцару: «Отворите двери!»* (в развитие идей Дмитрия Николаевича Шмелева о цельности семантики лексем). // Облик слова. Сборник статей памяти Д.Н.Шмелева. М., 1997. С. 270-276.
- Падучева 1974 – *Е.В. Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1982 – *Е.В. Падучева*. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэролла. // Семиотика и информатика. Вып.18., М., 1982. С. 76-119.
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Ч.2: Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1998 – *Е.В. Падучева*. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука//ВЯ №5, 1998.
- Падучева 1999а – *Е.В. Падучева*. О роли метонимии в концептуальных

- структурах // Труды международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Таруса, 1999.
- Падучева 1999б – *Е.В. Падучева*. Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола *назначить*. // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.
- Падучева 2000 – *Е.В. Падучева*. Метонимический перенос как смещение фокуса внимания // Доклад на Международной конференции «Активные языковые процессы конца XX века». Москва, ИРЯ РАН, февраль 2000.
- Падучева 2002 – *Е.В. Падучева*. О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника. // Русский язык в научном освещении. № 1 (3), 2002. С. 87-111.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Паршин 1996 – *П.Б. Паршин*. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // ВЯ, 1996, №2. С. 19-42.
- Перцов 1996 – *Н.В. Перцов*. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики. // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
- Перцов 2000а – *Н.В. Перцов*. О неоднозначности в поэтическом языке. // Вопросы языкознания, 2000, №3. С.55-82.
- Перцов 2000б – *Н.В. Перцов*. Загадка начала «Евгения Онегина» // Известия РАН. Сер. Лит. И яз., 2000, т. 59, №3. С. 25-30.
- Перцов 2001 – *Н.В. Перцов*. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Перцова 1988 – *Н.Н. Перцова*. Формализация толкования слова. М., 1988.
- Пирогова 2000 – *Ю.К. Пирогова*. Языковая игра в коммерческой рекламе // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., С.167-190.
- Плунгян 2001 – *В.А. Плунгян*. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети. // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. М., 2001.
- Плунгян, Рахилина 1996 – *В.А. Плунгян, Е.В.Рахилина*. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня, 1996, №3.
- Плунгян, Рахилина 2000 – *В.А. Плунгян, Е.В.Рахилина*. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под*. // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 115-133.
- Рахилина 2000а – *Е.В.Рахилина*. О тенденциях в развитии когнитивной семантики. // Известия РАН. Сер. Лит. И яз., 2000, т. 59, №3. С. 3-15.
- Рахилина 2000б – *Е.В.Рахилина*. «Без конца и без края» // Исследования по семантике предлогов. Под ред. Д. Пайара, О. Н. Селиверстовой. М., 2000. С. 243-262.
- Розина 1999 – *Р. И. Розина*. Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Розина 2002 – *Р. И. Розина*. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации. // Вопросы языкознания. 2002, №2. С. 3-15.

- Санников 1999 – В.З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сарнов 2002 – Б.Сарнов. Наш советский новояз. М., 2002.
- Секерина И.А. 1996 – И.А. Секерина Американские теории синтаксического анализа в процессе понимания. // ВЯ. №3, 1996.
- СЯП – Словарь языка Пушкина. В 4-х тт. М., 1959.
- Туровский 1985 – В.В. Туровский. О соотношении значений многозначного слова // Семиотика и информатика, вып. 36. М., 1985.
- Туровский 1991 – В.В. Туровский. Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить*. // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Урысон 1997 – Е.В. Урысон. Несостоявшаяся полисемия. (Типы толкований с союзом 'или') // Облик слова. Сборник статей памяти Д.Н.Шмелева. М., 1997. С. 113-121.
- Урысон 1998 – Е.В. Урысон. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы.// Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 226-261.
- Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Анатомия метафоры у Манделштама. // Б.А.Успенский. Избранные труды. Т. II. М., 1994. С. 246-274.
- Успенский 1979 – В.А.Успенский. О вещных коннотациях абстрактных существительных. // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
- Фасмер 1996 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. СПб., 1996.
- Филипенко 2000 – М.В. Филипенко. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 12-54.
- Цейтлин 2000 – С.Н. Цейтлин. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Шмелев 1973 – Д.Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шмелев 2002 – А. Д. Шмелев. Русская Шмелев А. Д. языковая модель мира. Опыт словаря. М.: «Языки славянской культуры», 2002.
- Яacobсон 1985а – Р. Яacobсон. К общему учению о падеже // Р.Яacobсон. Избранные работы. М., 1985.
- Яacobсон 1985б – Р. Яacobсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. // Р.Яacobсон. Избранные работы. М., 1985. С. 176-197.
- Яacobсон 1975 – Р. Яacobсон. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Barrett 1995 – М. Barrett. Early Lexical Development. // P.Fletcher and B. MacWinney (eds.). Child Language. Oxford, UK: Basil Blackwell, 1995.
- Brock 1996 – S. Brock. The Christology of the Church of the East. // Традиции и наследие Христианского Востока. М.,: Индрик, 1996. (165-174)
- Bybee et al. 1994 – J. L.Bybee, R.Perkins, W Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Deane 1988 – P. Deane. Polysemy and cognition. // Lingua, V. 75, 1988, p.325-361.
- Dewell 1994 – R. Dewell. Over again: Image-schema transformations in semantic

- analysis. // *Cognitive Linguistics*. 1994, №5.
- Dirven 1985 – *R.Dirven*. Metaphor and polysemy // *La polysemie: lexicographie et cognition*. Cabay. Louvain-la-Neuve, 1985.
- Eco 1962 – *U.Eco*. Opera aperta. (Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee). Milano: Bompiani, 1962.
- Empson 1963 – *W. Empson*. Seven types of ambiguity. N. Y., 1963.
- Fillmore 1968 – *Ch.Fillmore*. The case for case. // *Universals in linguistic theory*. Ed by E.Bach and R.T.Harms. N.Y., Chicago, San Francisco, 1968.
- Fillmore 1977 – *Ch.Fillmore*. The case for case reopened. // *Syntax and semantics*. V. 8. Grammatical relations. P.Cole, J.Sadok (eds.). N.Y. et al., 1977.
- Goddard 1998 – *C. Goddard*. Semantic Analysis. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1998.
- Gugel 1967 – *H.Gugel*. Catull, Carmen 8. // *Athenaeum. Studi periodici di Letteratura e Storia dell'Anticita*. Università di Pavia. Nuova serie, vol. XLV, 1967, pp. 278-293.
- Jakobson 1955 – *R.Jakobson*. On linguistic aspects of translation. // *On translation*. Ed. R.A.Brower. Cambridge, Mass., 1955.
- Janda L. 1986 – *L.Janda*. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-* // *Slavistische Beiträge*, B. 192. München, 1986.
- Johnson 1987 – *M.Johnson*. The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago and London: Univ. of Chicago Press. 1987.
- Lakoff G. 1987 – *G.Lakoff*. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the mind. Chicago. Univ. of Chicago Press, 1987.
- Langacker 2002 – *R.Langacker*. Concept. Image, and Symbol. 2-nd edition. Berlin, N.Y., 2002.
- Lindner 1983 – *S.Lindner*. A lexico-semantic analysis of English verb particle constructions with OUT and UP. Blumington. Indiana Univ. Linguistics Club. 1983.
- Rudzka-Ostyn B. 1993 – *B.Rudzka-Ostyn*. Conceptualizations and Mental Processing in Language. Ed. by R.A.Geiger and Brygida Rudzka-Ostyn. Berlin-New York, 1993.
- Smith 1999 – *M.B. Smith*. Conceptual impermanence, irrealis, & the Russian instrumental // 6th International Cognitive Linguistics Conference. Stockholm University. July 10-16, 1999.
- Swadesh 1972 – *M.Swadesh*. The Origin and Diversification of Language. Chicago, New York 1972. (183-185)
- Talmy 2000 – *L.Talmy*. Toward a Cognitive Semantics. MIT Press, Cambridge, Mass., London, England, 2000.
- Ungerer, Schmid 1996 – *F.Ungerer, H.-J. Schmid*. An introduction to cognitive linguistics. Longman: London, N.-Y., 1996.
- Wierzbicka 1980 – *A.Wierzbicka*. The case for surface case. – *Linguistica extranea*. Studia, 9, Karoma Publishers Inc., 1980.
- Wierzbicka 1987 – *A.Wierzbicka*. English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney et. al.: Acad. Press Australia, 1987.
- Wierzbicka 1992 – *A.Wierzbicka*. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.
- Wierzbicka 1999 – *A.Wierzbicka*. Emotions across Languages and Cultures. Cambridge Univ. Press, Edition de la Maison des Sciences de l'homme. Paris, 1999.